

Войцех Хлебда
Ополе

О ЧЕМ ДУМАЕТ РУССКИЙ ИНДЮК,
ИЛИ ОБ ЭКВИВАЛЕНТАХ ПОСЛОВИЦ
В ДВУЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ

В языке легче замечается прирост, чем убыток: новые слова и значения, новые фразеологизмы не только отмечаются лингвистами, но и описываются словарями, в то время как рецессивная лексика и фразеология исчезает незаметно. Исследователи отмечают, что отступающая волна уносит с собой в первую очередь пословицы (Buttler 1989), но единичные примеры, подтверждающие это явление, пусть и убедительные, не могут заменить его комплексный анализ. В то же самое время другие исследователи доказывают, что пословицы своей живучести отнюдь не теряют, особенно в публицистике (см.: Szpila 2000; относительно их употребительности в живой разговорной речи у нас нет данных). По всей видимости, активный запас пословиц невелик по объему (и здесь Данута Буттлер права), но весьма продуктивен: к пословицам прибегают, когда говорят намеками, создают аналогии, строят дискурсивные метафоры, ищут доказательств и аргументов. Поэтому знание паремических ресурсов важно: они составляют существенную часть культурного кода нации, образуют фон публичного дискурса; к народной мудрости нередко обращаются как к последней инстанции. Без знания хотя бы основного пословичного фонда свободно передвигаться по коммуникативному пространству вряд ли возможно. И поэтому пословицы должны фиксироваться не только специальными словарями и сборниками, но и вноситься в общие словари — как толковые одноязычные, так и переводные, и не как окказиональный иллюстративный материал, а как полноценные заглавные единицы (Барулин 1984: 266). Но поскольку национальные паремиотиконы насчитывают по несколько тысяч единиц, данный постулат ставит перед нами вопрос о паремическом минимуме.

Составление паремических минимумов (ПМ), начавшееся в США, стало европейской практикой в 60-е гг., и сегодня мы располагаем ПМ

нескольких европейских языков. Трудно, однако, говорить о полной сопоставимости этих минимумов. Исследователей интересовали то пословицы *sensu stricto*, то паремические, или клишированные, выражения в широком смысле слова; минимумы составлялись разными методами и в разное время, а этнические группы опрашиваемых различались и по уровню образования, и по возрасту (напр., в Венгрии опрос охватил подростков 14–17 лет, в Польше — студентов 19–28 лет, в Словакии — взрослых 40–45 лет; см. Tóthné Litovkina 1989, Szpila 2002, Dugčo 2004); попытка сопоставить, напр., венгерский и словацкий ПМ будет, таким образом, методологически неоправданна. В интересах как сопоставительной паремиологии и фразеологии, так и этнолингвистики важно провести паремиологический эксперимент в нескольких странах одновременно, точно по той же методике, с одними и теми же исходными положениями и конечными целями, в одинаковых группах людей. Только такие условия могли бы обеспечить выделение общего ядра таких минимумов (напр., славянского или европейского) и определение зоны расхождений (т.е. их собственно национальных составляющих).

Возникшие на основе опроса носителей данного языка минимумы представляют собой синхронические величины, ввиду чего мы должны соотносить их с условиями проведения данного эксперимента и говорить, скорее всего, о паремических минимумах «данного места и/или времени» (а не о «минимумах вообще»). Отдельного рассмотрения требуют вопросы выделения паремических множеств другого типа, к коим относят: 1) основной паремиологический фонд данного языка, т.е. совокупность тех пословиц, класс которых не меняется в течение достаточно длительного времени (напр., 200 лет; см. Иванов 2007); 2) корпусный минимум пословиц, выделенный на основании анализа текстов высказываний, составляющих тот или иной электронный корпус данного языка (ср. Šermák 1998); 3) паремиологический оптимум — сводное образование, объединяющее пословицы, зафиксированные словарями, выделенные из электронных корпусов и собранные в ходе опросов носителей данного языка (см. Dugčo 2007). Особый интерес представляет возможное сопоставление паремических данных, полученных названными четырьмя путями, — сопоставление как „вертикальное”, т.е. в рамках данного языка, так и „горизонтальное”, проведенное между языками. Стоит, однако, отдать себе отчет в том, что сколько бы таких паремических множеств ни было установлено и какими методами бы они ни получались, поиск предполагаемого „паремического ядра” данного языка регулируется правилом, которое в 2005 г. я назвал „лингвистическим принципом

неопределенности” (Хлебда 2005): любой „минимум”, „корпус”, „фонд” или „оптимум” представляет собой всего лишь увиденную кем-то (исследователем, составителем, программистом) в определенном ракурсе картину данной паремической действительности, а не самое эту действительность; рассматривая серию подобных картин, мы можем говорить лишь о большей или меньшей их приближенности к языковой действительности, постичь же реальное „паремическое ядро” как некую „вещь в себе” невозможно.

Решение названных выше вопросов — дело будущего. Сегодня перед нашими глазами десяток национальных ПМ, позволяющих, несмотря на их гетерогенность, вести наблюдения и формулировать первые выводы. К последним относится факт, что паремические минимумы и в самом деле минимальны: в то время, как национальные паремиотиконы насчитывают, как уже было сказано, по несколько тысяч единиц (польская *Новая книга пословиц* фиксирует их около 4,5 тысяч, сводный словарь русских пословиц и поговорок В.П. Аникина — не менее 12 тысяч), ПМ насчитывают в среднем по 100 единиц. В известном эксперименте Г.Л. Пермякова минимум охватил, правда, 300 единиц (Пермяков 1986), однако базовый список Пермяков составил всего из 67 паремий (Permiakov 1989). Немецкий минимум был определен на уровне 77 единиц (Grzybek 1991), американский — 75 единиц (Mieder 2004); на том же уровне и польский ПМ с 72 единицами (Szpila 2002). Молодежный венгерский ПМ состоит всего из 45 единиц (Tóthné Litovkina 1989). Больше по размеру чешский ПМ (99 единиц; Schindler 1993), словацкий (100; Ďurčo 2004), испанский (121; Muñoz, Diaz 1997) и сербский (130 единиц; Nose 1995).

Польский ПМ, полученный в ходе эксперимента, проведенного Гжегожем Шпилей (Szpila 2002), стал для меня исходным пунктом в разработке раздела *Пословицы* в 3-ем выпуске *Настольного польско-русского идиоматикона* (см. Chlebda, red., 2006, 2007, 2008). Это новый на польском рынке тип словаря, который в 12–14 разделах каждого выпуска устанавливает русские эквиваленты таких устойчивых польских словосочетаний, которые до сих пор попадали в словари крайне редко или не попадали вообще: заглавий произведений литературы, музыки и кино, имен и фамилий известных лиц, названий исторических событий и документов, эмотивных и компаративных выражений, надписей и вывесок и т.п. Так как разделы словаря насчитывают в среднем по 100–200 единиц, польский ПМ в 72 единицы и составляет один небольшой раздел идиоматикона.

В паремических минимумах единицы располагаются, как правило, в порядке их частотности в эксперименте, однако переделка минимума

на словник, состоящая в изменении частотного порядка на алфавитный, не составляет трудностей. Также и второй шаг казался мне простым и скорее всего техническим: хотя *Большой польско-русский и русско-польский фразеологический словарь* 1998 года пословиц не фиксирует, в Польше были разработаны *Польско-русский и русско-польский словарь пословиц* Р. Стыпулы (Stypuła 1974 и 2003) и *Словарь пословиц на восьми языках* Д. и А. Сверчинских (Świerczyński 2004), решения которых я надеялся механически перенести в разрабатываемый словарик. Но тут-то и начались проблемы.

Проблема, в принципе, одна, и состоит она в недооценке или непонимании лексикографами того, что пословицы, хотя и представляют собой микротексты, относятся к воспроизводимым единицам языка (точнее — к единицам *данного* этнического языка); иными словами, пословицы представляют собой составляющие данного национального семиотического кода (ср. Bralewski 2005). Наличие в национальных паремиотиконах общих зон (славянской, европейской) ни в малейшей степени не противоречит факту, что составляющие *данный* национальный фонд паремии — единицы *данного* национального языка. Нет сомнения, что левая сторона *Идиоматикона* образована единицами польского языка, раз его словник тождествен польскому ПМ. В соответствии с фундаментальным принципом двуязычной лексикографии — принципом симметричности обеих сторон словаря — правую сторону нашего *Идиоматикона* тоже занимают единицы языка (в данном случае — русского), если же таковых нет (т.е. если исходные польские единицы безэквивалентны), мы однозначно, при помощи специального знака, информируем об этом пользователя. Посмотрим с этой точки зрения на словарь Стыпулы 1974 года.

В кратком предисловии (Stypuła 1974: 5) лексикограф обходит вопрос о том, как подбирались эквиваленты польских пословиц, полным молчанием. Эти эквиваленты можно разделить на три основные группы:

1) полные эквиваленты: по правую сторону польской пословицы ставится русская пословица, адекватная польской как по смыслу и функции, так и по форме (образности); иными словами, единица исходного языка полностью уравнивается единицей целевого языка, напр.: **Baba z wozu — koniom lżej.** • Баба с возу — кобыле легче; **Pokorne cielę dwie matki ssie.** • Ласковое теля двух маток сосет;

2) неполные эквиваленты: рядом с польской пословицей ставится русская пословица, адекватная польской по смыслу и функции, нередко и по синтаксическому строению, но с другим лексическим наполнением, т.е. отличающаяся своей образностью; несмотря на это, и в данном случае левая и правая стороны словаря заполнены реаль-

ными единицами соответствующих языков, напр.: **Każda pliszka swój ogonek chwali.** • Каждая курица свой насест хвалит; Каждый кулик свое болото хвалит; **Gdzie kucharek sześć, tam nie ma co jeść.** • У семи нянек дитя без глазу;

3) мнимые эквиваленты (рядом с польской пословицей ставится некий конструкт, придуманный, по всей вероятности, самим лексикографом, являющийся то подделкой под образец русской пословицы, то калькой исходной польской пословицы, но так или иначе не являющийся единицей русского языка; хотя смысл этих русских образований понятен, по своей принадлежности к коду языка выражения обеих сторон словаря асимметричны), ср.: **Gdzie się dwóch bije, tam trzeci korzysta.** • Двое дерутся — третий пользуется; **Żeby kózka nie skakała, toby nóżki nie złamała.** • Не прыгала б коза, ножка была б цела; **Za mundurem panny sznurem.** • На военных девушки заглядываются; **Indyk myślał o niedzieli, a w sobotę łeb mu ścięli.** • Индюк думал о воскресенье, а в субботу голову отсекли.

Между группами 2-ой и 3-ей выделяется еще и промежуточная группа «сомнительных эквивалентов» — сомнительных для иностранного наблюдателя, который находит в словаре Стыпулы образования порой очень похожие на русские пословицы, но в то же время отсутствующие в самых больших словарях русских пословиц — даже в тех, которые фиксируют паремические варианты (Даль, Аникин). Такие образования требуют дополнительной проверки, которая, по всей вероятности, разведет их по группам: часть перейдет в 3-ю группу (мнимых эквивалентов), часть же окажется полноправными единицами русского языка и перейдет в 1-ю или 2-ю группы. К сомнительным эквивалентам я отнес такие русские образования, как, напр.: **Gdzie Rzym, gdzie Krym.** • Где Рим, а где Крым [!]; **Na pochyle drzewo wszystkie kozy skaczą.** • На поклятое дерево и козы скачут; **Dopóty dzban wodę nosi, dopóki mu się ucho nie urwie.** • До поры кувшин воду носит: оторвется — разобьется; **Dzieci i ryby głosu nie mają.** • Дети, как рыбы — молчок (цыц) и несколько им подобных, которые показались мне полонизмами (т.е. кальками с польских пословиц).

В таких случаях у носителя данного языка просыпается, как правило, „*nervus paremiologicus*”, как это называл Самуэль Адальберг (см. Świrko 1958: 397), „паремическое чувство”, или пословичное чутье, позволяющее отделить родную пшеницу от неродных плевел. У иностранца *nervus paremiologicus* намного слабее, а порой и вовсе не работает. Тем временем, чтобы соблюсти важнейший принцип двуязычной лексикографии — упомянутый принцип равновесия между правой и левой сторонами словаря, — рядом с польскими

пословицами (единицами польского языка) должны ставиться реальные русские пословицы — адекватные единицы русского языка, т.е. такие образования, которые способны выдержать следующий тест.

Представим себе рассказ, в котором какая-то ситуация описывается как типичная, а ее типичность подтверждается обращением к пословице. Автор выстраивает аналогию и пишет: „Точно как в русской пословице: *У семи нянек дитя без глазу*” или „Точно как в русской пословице: *Как постелешь, так и выспишься*”. Пословичное чутье носителя русского языка такие предложения одобрит безоговорочно. Но как среагирует оно на такое предложение: „Точно как в русской пословице: *Двое дерутся — третий пользуется*”? Русская пословица в соответствующих ситуациях предостерегает: *Двое дерутся — третий не суйся* или *Две собаки грызутся — третья не приставай*. О пользе третьего в случае ссоры некоторых двоих говорит польская пословица: *Gdzie się dwóch bije, tam trzeci korzysta*, и тест не выдерживается. Словарь Стыпулы, калькируя польскую пословицу, создал средствами русского языка мнимый эквивалент (кстати, со смыслом противоположным аналогичной русской пословице), да еще и выдал ее за русскую народную мудрость (за единицу русского языка); иными словами, навязал русскому языку нечто ему не свойственное. Этот прием носит в словаре Стыпулы системный, или программный, характер: мнимые эквиваленты отнюдь не единичны и, по моим подсчетам, составляют у Стыпулы ок. 20% всех фраз, найденных на правой (русской) стороне словаря; тем более этот прием должен расцениваться как фальсификация языковой действительности. В словаре Стыпулы мнимые эквиваленты — русские лжепословицы — никак ведь не оговариваются, не снабжаются комментариями или графическими символами: они печатаются таким же шрифтом, как и подлинные русские паремии; более того: бывает, что лжепословица ставится на первое место, а подлинная — на второе, ср.:

Indyk myślał o niedzieli, a w sobotę leb mu ścięli.

Индюк думал о воскресенье, а в субботу голову отсеки.

Думы за горами, а смерть за плечами.

Тем временем, как верно заметил Ежи Зёмек, «пословица [...] представляет собой также информацию о самой себе как об устойчивом выражении, о своем происхождении, о культурной среде, в которой она родилась. Эта автоинформация [...] именно в этом жанре играет особую роль [...]» (Ziomek 1980: 208). Такие искусственные «русские пословицы», как, напр., *Индюк думал о воскресенье, а в субботу голову*

отсекли или *На военных девушки заглядываются*, могли бы сыграть свою роль как подстрочник, помогающий русскому пользователю понять, как построена и о чем говорит соответствующая польская пословица, но для любого исследователя, пишущего о русских народных пословицах, они не только непригодны, но и вводят в заблуждение.

Следуя принципам *Идиоматикона*, рядом с безэквивалентной единицей польского языка ставится знак ноля: Ø (символ отсутствия аналогичной единицы в коде русского языка), после которого в квадратных скобках дается калька польской единицы, вне скобок же — ее ближайший функциональный эквивалент (если таковой есть). Имея в виду факт, что выражение *Двое дерутся — третий пользуется* не является единицей русского языка (т.е. считая пословицу *Gdzie się dwóch bije, tam trzeci korzysta* безэквивалентной), следовало бы предложить следующее решение:

Gdzie się dwóch bije, tam trzeci korzysta.

Ø [Где двое дерутся, третий пользуется]

≅ *Дураки о добыче спорят, а умные разделили ее.*

Функциональный эквивалент *Дураки о добыче спорят, а умные разделили ее* я отыскал в сборнике Аникина (1988: 88). Но ведь *Дураки о добыче спорят, а умные разделили ее* — не что иное, как неполный (в смысле 2-ой группы) эквивалент польской пословицы *Gdzie się dwóch bije, tam trzeci korzysta*: смысл один и тот же, различия в форме (в образности). Появляется вопрос не только о том, является ли пословица *Gdzie się dwóch bije, tam trzeci korzysta* эквивалентной или безэквивалентной, а о том, следует ли вообще говорить о безэквивалентности пословиц (а если да, то в каком смысле и в какой мере)? Ведь фундамент *Грамматики пословичной мудрости* Григория Пермякова — положение о том, что единицы национальных паремийотиконов различаются «в плане реалий» (как образные тексты), но сходны в логико-семиотическом плане — в том смысле, что, независимо от языка, они реализуют (вербализуют) одни и те же, общие для разных народов, инвариантные типы отношений, «сложную и стройную логическую систему, основанную на выработанных веками и даже тысячелетиями правилах и приемах обыденного мышления» (Пермяков 1979: 4). Если исходить из такого положения, то теоретически, или потенциально, любая пословица любого языка должна иметь в любом языке свой эквивалент — разумеется, необязательно образный (хотя и такие нередко встречаются), а смысловой (логический). И, может быть, т.наз. безэквивалентные пословицы — просто пословицы с еще

не найденными, но имеющимися в разных источниках эквивалентами? Стоило мне, например, обратиться не к словарям и не к сборникам пословиц, а к «Календарю русской природы» (Стрижев 1973), как тут же нашлись весьма близкие эквиваленты польских «календарных» пословиц: **W marcu jak w garncu** • *Мартушка закрутит вертушку; И март морозом на нас садится; Март неверен: то плачет, то смеется* (у Стыпулы — *В марте погода изменчива*), **Kwiecień-plecień, bo przeplata trochę zimy, trochę lata** • *Ни в марте воды, ни в апреле травы; Апрель обманет, под май подведет; Не ломай печи — еще апрель на дворе* (у Стыпулы — *В апреле зима сзади и спереди; В апреле зима и лето бывает*, т.е. выражения, отсутствующие в словарях и сборниках русских пословиц и поговорок).

Является ли, однако, отсутствие данного русского образования в словарях русских народных пословиц достаточным и автоматическим доказательством того, что это образование относится к разряду русских лжепословиц? Отнюдь нет. Евгений Иванов (2007: 155) замечает, напр., что такие общеизвестные пословицы, как *По Сеньке и шапка, Седина в бороду, а бес в ребро, Знай сверчок свой шесток, Ворон ворону глаз не выклюет* и т.п. не были включены в паремиологический минимум Г.Л. Пермякова; не менее известные и популярные пословицы *Любишь кататься — люби и саночки возить, Долг платежом красен, Кто старое помянет, тому глаз вон, Что в лоб, что по лбу, И Богу свечка, и черту кочерга, Худой мир лучше доброй ссоры* и т.п. не отмечены сборником 500 «наиболее употребительных русских пословиц» М.Ю. Котовой (2000). В тех случаях, когда фразы, найденные в словаре Стыпулы на месте русских эквивалентов, не фиксировались словарями русских пословиц, а вызывали сомнения, с которыми не могло справиться мое паремическое чутье, я обращался к помощи Рунета. Ниже приводится список польских пословиц с теми их русскими эквивалентами, найденными в словаре Стыпулы 1974 г., которые я решил вынести на проверку. В квадратных скобках указано число страниц, к которым отсылает браузер портала www.yandex.ru; [0] означает: «Искомая комбинация слов нигде не встречается»:

Bez pracy nie ma kolaczy. • *Без труда — нет плода.* [402]

Co ma wisieć, nie utonie. • *Кому сгореть, тот не утонет.* [433]

Co się odwlecze, to nie uciecze. • *Отложено — не уничтожено.* [0] *Отложить не значит отменить.* [71] *Что отложено, то еще не пропало.* [0]

Czym skorupka za młodu nasiąknie, tym na starość trąci. • *К чему смалу привык, тому под старость не учиться.* [58] *Бочка пахнет тем, что в ней раньше было.* [0]

Dopóty dzban wodę nosi, dopóki mu się ucho nie urwie. • До поры кувшин воду носит: оторвется — разобьется. [1]

Dzieci i ryby głosu nie mają. • Дети, как рыбы — молчок (цыц). [0]

Gdzie Rzym, gdzie Krym. • Где Рим, а где Крым [!]. [356]

Gość w dom, Bóg w dom. • Гость в дом, а бог в доме. [24]

Gdzie kucharek sześć, tam nie ma co jeść. • Десять поваров только щи пересаливают. [0]

Idzie luty, podkuj buty. • Вьюги-метели под февраль полетели. [27]

Kto pyta, nie błądzi. • Кто спрашивает, тот не блуждает. [3] Чаще спрашиваешь — реже ошибаешься. [0]

Kij ma dwa końce. • Палка о двух концах: и туда, и сюда. [68] У палки два конца. [1736]

Kłamstwo ma krótkie nogi. • Ложь на глиняных ногах ходит. [1] У лжи ноги короткие. [73]

Kwiecień-plecień, bo przeplata trochę zimy, trochę lata. • В апреле зима сзади и спереди. [0] В апреле зима и лето бывает. [0]

Kto rano wstaje, temu Pan Bóg daje. • Кто рано встает, тому бог подает. [4915] Утренний час дарит золотом нас. [148]

Lepszy rydz niż nic. • В поле и жук мясо. [326]

Mądrzej głowie dość dwie słowie. • Умный с полуслова поймет. [1] Умный слышит в полслова. [336] Умному намек, глупому толчок. [157]

Mądry Polak po szkodziu. • Хватился, когда с горы скатился. [0] Дураку вред — умному навед. [0]

Na pochyle drzewo wszystkie kozy skaczą. • На поклятое дерево и козы скачут. [72]

Nie czyń drugiemu, co tobie niemiłe. • Не делай другим того, чего себе не желаешь. [84]

Nie chwal dnia przed zachodem słońca. • Не хвали пива в сусле, а ржи в озими. [24]

Przyganiał kociol garnkowi, a sam smoli. • Людей хулит, а сам лыком шит. [97] Горшок над котлом смеется, а оба черны. [133]

Przyjdzie koza do woza. • Захочет коза сена — будет у воза. [68] Он еще придет к нам на поклон. [0] Захочешь булавок — будешь у лавок. [13]

Raz na wozie, raz pod wozem. • Был под конем и на коне. [0] Сегодня пан, а завтра пропал. [16]

W marcu jak w garncu. • В марте погода изменчива. [7 — только в прогнозах погоды]

Z pustego i Salomon nie naleje. • Чего нет, того негде взять. [104] Не положил — не ищи. [102] Чего нет, того и не спрашивай. [99] Чего не дадут, того в суму не кладут. [15] Чего нет, того и Бог не возьмет. [3]

Z wielkiej chmury mały deszcz. • Из большой тучи да малая капля. [80]

Нет сомнения, что Интернет в работе лингвиста — лишь вспомогательное средство, и к его показаниям следует относиться с большой осторожностью. И тем не менее заключенные в скобки количественные данные весьма поучительны. Они, во-первых, наглядно показывают, как обманчивым может оказаться паремическое чутье иностранца: читая словарь Стыпулы, я был, например, абсолютно уверен в том, что фразы *Где Рим, а где Крым*

(у Стыпулы — Крим), *На поклятое дерево и козы скачут, Захочет сена коза — будет у вола, Дети, как рыбы* — молчок являются придуманными Стыпулой буквальными кальками с польских пословиц, что, однако, оказалось справедливым лишь по отношению к фразе *Дети, как рыбы — молчок*. И наоборот: можно было подозревать, что такие фразы, как, напр., *Бочка пахнет тем, что в ней раньше было, Десять поваров только щи пересаливают, Дураку вред — умному навед, Хватился, когда с горы скатился, Был под конем и на коне*, относятся к менее, может быть, употребительным, но подлинным русским пословицам — однако во всех случаях браузер Яндекс дал нулевые показания с пометой «Искомая комбинация слов нигде не встречается». На чутье надейся, хочется сказать, а сам не плошай.

Во-вторых, отсеивая подлинное от подделок, Интернет помогает выявить среди подлинных пословицы более и менее употребительные (*resp.* более и менее частотные в дискурсивном отношении). Для паремиологов и особенно для паремиографов, вынужденных решать, который из нескольких синонимов данной пословицы поставить на первое место в качестве переводного эквивалента пословицы исходного языка, показатели частотности употребления могут оказаться весьма полезной подсказкой, ср.:

Nie chwal dnia przed zachodem słońca.

Не хвали день поутру, а хвали день под вечер. [20]

Не хвали тива в сусле, а ржи в озими. [54]

Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела. [80 995]

Хвали день по вечеру. [98]

Хвали рожь в стогу, а барина в гробу. [358]

Хвали сон, когда сбудется. [494]

Хвали утро вечером. [1094]

Цыплят по осени считают. [29 357]

Na pochyle drzewo wszystkie kozy skaczą.

На поклятое дерево и козы скачут. [139]

На бедного Макара все шишки валяются. [1315]

Есть, однако, случаи, которые вводят (иностранного) исследователя в замешательство. У Стыпулы фраза *Индюк думал о воскресенье, а в субботу голову отсекли* слишком буквально, на мой взгляд, копирует польскую пословицу *Myślał indyk o niedzieli, a w sobotę łeb mu ścięli*, чтобы счесть ее русской народной пословицей; из 3-го выпуска *Идиоматикона* она как переводной эквивалент была исключена (точнее — была использована, но в качестве заключенного в скобки вспомогательного подстрочника) и заменена пословицей *Думы за горами, а смерть за*

плечами. С тем большим удивлением я обнаружил в словаре Котовой (2000: 67) фразу *Индюк думал, думал, да и сдох*. Так думает ли русский индюк или нет? А если фраза *Индюк думал, думал, да и сдох* относится, по мнению Котовой, к пятистам «наиболее употребительным русским пословицам», то почему та же фраза, вписанная в браузер каталога Яндекса, приносит количественный показатель 0 («Искомая комбинация слов нигде не встречается»), а в браузер всего Рунета — показатель 1 (причем в несколько странном употреблении — на странице «Перлы» в графе «Простые истины для экономистов второго года обучения» — и в форме: «Индюк думал, думал...????!!!! ...и...и.. сдох!!!!!!!!!!»)? Даже Национальный корпус русского языка не изобилует фразами о думающем индюке: результатами поиска являются всего лишь 4 документа: «Индюк думал, а ему голову оторвали» (из *Дневника самоубийцы* Э. Володарского), *Индюк думал, да в суп попал!* (из *Барака* Н. Коляды), *О чем индюк думал* (заглавие «сказочки» Б. Заходера) и *Индюк думал!* (из *Архипелага ГУЛаг* А. Солженицына). Информация, полученная от носителя русского языка, позволила установить, что в русском речевом обиходе (причем в живом употреблении) функционирует скорее всего изречение *Индюк думал, думал, да в суп попал*. На этот раз проверка этого изречения по Яндексу приносит результат: 291 страница на 43 сайтах. Веское подтверждение принадлежности этой фразы к коду русского языка находим и в *Ассоциативном фразеологическом словаре русского языка*, куда она была включена (под вокабулой **ИНДЮК ТОЖЕ думал, да в суп попал**) на основании реакций носителей русского языка на стимулы *думал, думала, думает: да попал в суп, да в суп попала, в суп попадет, в суп попал* (Добровольский, Караулов 1994: 25). В свою очередь, в *Русском ассоциативном словаре* среди реакций на стимулы *думает* и *думала* отмечается, среди других, и слово *индюк*, которое, заметим кстати, не обнаруживается среди реакций на слова *суббота* и *воскресенье* (см. Караулов и др., 1994, 1: 29, 48 и 165).

Независимо от своей дальнейшей судьбы (*сдох...*, *в суп попал...*), русский индюк, оказывается, думает «вообще», а не о таком или ином дне недели. Фразу *Индюк думал-думал, да в суп попал* (или *...да и сдох*) можно поставить рядом с польской пословицей *Myślał indyk o niedzieli, a w sobotę łeb mu ścięli* в качестве ее переводного эквивалента с тем большей уверенностью, что анализ контекстов ее употребления показывает, что она используется в тех же значениях, что польская поговорка ('1. Mówimy z odcieniem pobłażania: **Indyk myślał o niedzieli, a w sobotę łeb mu ścięli** w sytuacji, gdy ktoś planuje coś, co może nie dojść do skutku; 2. Mówimy z odcieniem pobłażania: **Indyk myślał o niedzieli, a w sobotę łeb mu ścięli** w sytuacji, gdy ktoś tłumaczy swoje niewłaściwe postępowania

nie, mówiąc «myślałem, że...»»; Mosiołek-Kłosińska, Ciesielska 2001: 186), хотя Котова приписывает фразе *Индюк думал, думал, да и сдох* значение несколько иное: 'Насмешливая реплика тому, кто колеблется и никак не может принять решение'. В то же самое время случай с русским индюком показывает, как важен учет смысловой стороны сопоставляемых паремий; будущий двуязычный словарь пословиц должен быть словарем толково-переводным, а не просто переводным.

Этот предварительный, подготовительный этап работы над учебным польско-русским словариком пословиц мне хочется заключить следующими выводами.

1. Эквивалентами исходных польских пословиц должны быть реальные русские пословицы, т.е. единицы русского культурно-языкового кода, соответствующие польским по смыслу (функции) и по форме (образности) или только по смыслу и функции.

2. На месте эквивалентов нельзя ставить искусственные вербальные образования, не принадлежащие к коду русского языка, хотя и выдаваемые лексикографами за единицы русского кода.

3. Кальки исходных пословиц, которые чаще всего и являются в словарях такими мнимыми эквивалентами, могут тем не менее сыграть в двуязычном словаре положительную роль, во-первых, как вспомогательное средство (подстрочник), помогающее иностранцу осознать образное строение исходной пословицы; во-вторых, — как предложение по адресу того же иностранца, который подобной калькой может воспользоваться в тексте. Как показывает обзор публицистики, такие экзотические вкрапления («импланты»; Хлебда 1998) используются регулярно, но почти всегда с каким-то метаязыковым оператором типа *как говорят поляки* (с «коннотатором чуждости»; ср. Lewicki 2002). Поэтому если паремическая калька предлагается в словаре в качестве текстового эквивалента, ей обязательно должен предшествовать коннотатор чуждости в такой или иной условной форме (ср. графический символ «говорящей головки» в *Русско-польском словаре крылатых слов*; Chlebda, Mokijenko, Szuleżkowa 2003; см. также: Chlebda, red., 2007: 9-10). В результате пословица типа *Indyk myślał o niedzieli, a w sobotę łeb mu ścięli* может иметь в словаре три эквивалента: два системных (кодовых) на первом месте — *Индюк думал, думал, да в суп попал / да и сдох*; *Думы за морями, а смерть за плечами* — и, на втором, текстовый: *Думал индюк о воскресенье, а в субботу ему голову отсекли* — обязательно с вводимым затем в текст оператором, скрытым за коннотатором чуждости (*как говорят поляки*). Если же действительно исходная пословица является безэквивалентной (*Za mundurem panny sznurem*), на месте эквивалента должен быть

поставлен знак ноля Ø (он и есть в данном случае коннотатор чуждости, заменяемый в тексте оператором *как говорят поляки*), а в (квадратных) скобках и/или другим шрифтом может предлагаться паремическая калька. Так как именно она будет, по всей вероятности, использована в качестве текстового эквивалента, лексикограф может позаботиться о том, чтобы придать этой кальке формальное подобие пословицы (напр., вместо описательного *На военных девушки оглядываются нечто вроде За погонами барышни стаями*).

4. Ввиду ненадежности переводных и недостаточности одноязычных словарей и сборников встает вопрос о дополнительных источниках пословичных эквивалентов для двуязычного словаря. Поиск эквивалентов должен учитывать наличие тех источников, которые по тем или иным причинам не попали в поле зрения составителей словарей и сборников; в их числе — записи живой устной речи, фольклорные тексты, календари и народные прогнозы погоды, публицистика и художественная литература (в данном случае — переводы произведений польских писателей на русский язык, особенно тех, которые изобилуют пословицами, как, напр., *Мужики* В. Реймонта или *Пан Тадеуш* А. Мицкевича с его пятью переводами на русский язык; по мнению Яна Вавжинчика, переводчик должен быть наравне с лексикографом создателем переводного словаря; Sawtzyńcyk 1991). Неоценимую помощь может принести лексикографу Интернет.

Только когда эта предварительная работа по разделению реальных и мнимых пословиц русского языка будет завершена, мы сможем выйти на второй этап исследования и поискать ответа на вопрос о наличии в польском и русском паремических минимумах зоны общего и зон специфически национального.

ЛИТЕРАТУРА

- В.П. Аникин, ред.: *Русские пословицы и поговорки*. Москва 1988.
- А. Барулин: *Русский паремиологический минимум и его роль в преподавании русского языка*. В кн.: *Паремиологические исследования*. Ред. Г.Л. Пермяков. Москва: 1984.
- Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов: *Ассоциативный фразеологический словарь русского языка*. Москва 1994.
- Е.Е. Иванов: «Основной паремиологический фонд» русского языка и его соотношение с «паремиологическим минимумом». В кн.: *Мир русского слова и русское слово в мире. Том 2: Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития*. Ред. Ст. Георгиева. София 2007, с. 152–156.
- Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова: *Русский ассоциативный словарь*. Т. 1–2. Москва 1994.

- М.Ю. Котова: *Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями*. Санкт-Петербург 2000.
- В.П. Жуков: *Словарь русских пословиц и поговорок*. Москва 1966.
- Г.Л. Пермяков: *Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов*. Москва 1979.
- Г.Л. Пермяков: *300 общоупотребительни руски пословици и поговорки*. Москва-София 1986.
- Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах*. Москва 1984.
- А. Стрижев: *Календарь русской природы*. Москва 1973.
- В. Хлебда: *Русские фразеологические импланты в сегодняшней польской публицистике*. „*Rossica Olomucensia*” XXXVI. Olomouc 1998, с. 231–237.
- В. Хлебда: *Фразеологические исследования и лингвистический принцип неопределенности*. В кн.: *Грани слова. Сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко*. Ред. А. Шумейко и др. Москва 2005, с. 152–165.
- D. Bralewski: *Czy przysłowie jest jednostką języka?* В кн.: *Problemy frazeologii europejskiej*. T. VII. Red. A.M. Lewicki. Lublin 2005.
- D. Buttler: *Dlaczego zanikają przysłowia w dwudziestowiecznej polszczyźnie?* „*Poradnik Językowy*” 1989, nr 5.
- F. Čermák: *Usage of Proverbs. What the Czech National Corpus Shows*. В кн.: *Europhras '97. Phraseology and Paremiology*. Ed. P. Durčo. Bratislava 1998, с. 37–49.
- W. Chlebda, red.: *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*. Zeszyt 1. próbny, Opole 2006.
- W. Chlebda, red.: *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*. Zeszyt 2., Opole 2007.
- W. Chlebda, red.: *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*. Zeszyt 3., Opole 2008.
- P. Ďurčo: *Slovak Proverbial Minimum: The Empirical Evidence*. В кн.: *Res Humanae proverbiorum et sententiarum. Ad honorem Wolfgangi Mieder*. Ed. C. Földes. Tübingen 2004.
- P. Ďurčo P.: *Paremiologické optimum slovenčiny*. В кн.: *Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków*. Red. W. Chlebda. Opole 2007, с. 171–177.
- P. Grzybek: *How to do Things with Some Proverbs. Zur Frage eines parömisches Minimums*. „*Ars Semeiotica*” 1984, vol. 7, No 3-4.
- P. Grzybek: *Sindkendes Kulturgut? Eine empirische Pilotstudie zur Bekanntheit deutscher Spichwörter*. „*Wirkendes Wort*” 1991, No 2.
- S. Hose: *Prisłowny minimum w serbsčinjje*. В кн.: *Sorabistiske přednoški II*. Red. H. Faska. Budyšin 1995.
- R. Lewicki: *Obcość w odbiorze przekładu*. Lublin 2002.
- W. Mieder: *Proverbs are Never out of Season. Popular Wisdom in the Modern Age*. New York-Oxford 1993.
- W. Mieder: *Proverbs: a handbook*. Westport 2004.
- K. Mosiołek-Kłosińska, A. Ciesielska: *W kilku słowach. Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa 2001.
- J.S. Muñoz, J.C. Diaz: *La competencia paremiologica: los refranes*. „*Proverbium*” 1997, vol. 14.
- G.L. Permiakov: *On the Question of a Russian Paremiological Minimum*. „*Proverbium*” 1989, vol. 6.
- F. Schindler: *Das Sprichwort im heutigen Tschechischen. Empirische Untersuchung und semantische Beschreibung*. Otto Sagner Verlag. München 1993.
- R. Stypuła: *Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*. Warszawa 1974.
- R. Stypuła: *Słownik przysłów i powiedzeń rosyjsko-polski, polsko-rosyjski*. Warszawa 2003.
- G. Szpila: *Skamielina czy żywy organizm — przysłowie w prasie polskiej*. В кн.: *Język trzeciego tysiąclecia*. Red. G. Szpila. Kraków 2000.

- G. Szpila: *Minimum paremiologiczne języka polskiego — badanie pilotażowe*. „Język Polski” 2002, nr 1.
- D.A. Świerczyński: *Słownik przysłów w ośmiu językach*. Warszawa 2004.
- S. Świrko: *Przysłowia, wyrażenia i zwroty przysłowiowe w „Panu Tadeuszu”*. В кн.: *Ludowość u Mickiewicza*. Praca zbiorowa pod red. J. Krzyżanowskiego i R. Wojciechowskiego. Warszawa 1958.
- A. Tóthné Litovkina: *How Many and What Proverbs Are Still Commonly Familiar Among Hungarian Children and Adolescents? „Europhras 95”*. Ed. W. Eismann. Bochum 1998.
- J. Wawrzyńczyk: *Tłumacz współtwórcą słownika przekładowego*. „Literatura na Świecie” 1991, nr 5.
- J. Ziomek: *O przekładaniu przysłów*. W jegoż: *Powinowactwa literatury. Studia i szkice*. Warszawa 1980.

Wojciech Chlebda

O CZYM MYŚLI ROSYJSKI INDIK,
CZYLI O EKWIWALENTACH PRZYSŁÓW W SŁOWNIKU DWUJĘZYCZNYM

Streszczenie

Autor wykorzystuje polskie minimum paremiczne jako punkt wyjścia do rozważań nad możliwościami ustalenia dla przysłów polskich adekwatnych ekwiwalentów rosyjskich. Autor krytykuje częstą praktykę, zgodnie z którą w słownikach przekładowych konstrukty utworzone przez leksykografów w języku docelowym przedstawia się jako autentyczne przysłowia tego języka. W artykule proponuje się trzy rodzaje ekwiwalentów słownikowych: adekwatne, funkcjonalne oraz dosłowne kalki przysłów języka wyjściowego, ale oznakowane specjalnym znakiem Ø. Weryfikację tego rodzaju ekwiwalentów przeprowadza się w oparciu o dostępne słowniki języka docelowego oraz dane wyszukiwarek internetowych.

Wojciech Chlebda

WHAT DOES THE RUSSIAN TURKEY THINK ABOUT,
OR ON EQUIVALENTS OF THE PROVERBS IN BILINGUAL DICTIONARIES

Summary

The paper contains some reflections on possibilities of establishing adequate Russian equivalents of Polish proverbs by the means of the Polish proverbial minimum. The author find fault with frequently applied presentation of some syntactic constructs made by lexicographers in the target language as the authentic proverbs of this language. He proposes three kinds of equivalents: adequate, functional, and loan translations, marked with a special symbol (Ø). Such equivalents have been verified with certain lingual data, taken from target language dictionaries and from the Internet browsers.